

Экспериментаниум

ЛИРИЧЕСКИЕ «КВАНТЫ» НА ТРИ ГОЛОСА

Творчество каждой из очаровательных участниц *поэтического трио «Квантовая лирика»*, известных крымских поэтов, представляет три разных вида поэзии.

МАРИНА МАТВЕЕВА
АРИОЛА МИЛОДАН
ДАНИЭЛЬ БРОНТЕ
Программа «Квантовая лирика»

Афиша концерта-перформанса поэтического трио «Квантовая лирика».
18 апреля 2018 года, Симферополь, Книжная Лавка писателей (СПб)

Стихи **Марины Матвеевой** — это, так сказать, поэзия «Из» — исторгнутая из имманентных глубин души живая энергия, которая, постепенно накапливаясь, разражается «большим взрывом», в недрах которого рождается новая Вселенная, отличная от той, в которой мы живём.

Стихи **Ариоллы Милодан** — это поэзия «В» — бурлящий в глубинах души водоворот живых красок, из которых одни необычайно яркие, а другие лишь набирают силу, стремясь вырваться наружу, расцветить окружающий мир.

Стихи **Даниэль Бронте** — поэзия «Вокруг». Она напоминает замок, который, несмотря на злоекий внешний вид, по-своему уютен и хорошо защищает от боли и невзгод по принципу: «Моя поэзия — моя крепость».

Однако, на первый взгляд, столь разные, точнее, разнонаправленные поэтические векторы авторов творческого трио «Квантовая лирика» объединяет одно качество — «внеземность» выражаемых авторами чувств и мыслей.

Юлия Мельник

Марина Матвеева

*Только постарайтесь в странном виде
Не ходить на красный светофор.
В. Высоцкий*

Погребальные костры не жгучи —
холодно душе без естества.
Я хочу тебя любить и мучить,
потому что я ещё жива.

Дошептались песен об «инаком»:
всё «святое» — жухлая трава.
Я хочу тебя любить и плакать,
потому что я ещё жива.

В красном состоянии на странный
светофор переведёт молва...
Здравствуй, милый. Приплыла пиранья.
Потому что, гадина, жива!

В Африке ужасно и опасно!
Не кажи акулам свежих ран!
В красном состоянии — на красный! —
проступаем на большой экран

неба... Ох, истошные пределы,
канонадою — сердечный ритм!
Слышишь, не твоё собачье дело:
«Милая, хорошая, умри!»

...Пере... Стану. Милой и Хорошей.
Лик. Икона. Аватарка. Смайл.
То не ты ли задохнёшься: брошен
в дряхлую корзину чей-то файл?

Твой ли, мой... Великая удача,
если восстановимся в правах.
Я хочу тебя любить и значить,
потому что я ещё жива!

...Хочешь, я совсем хорошей стану?
Без «ещё»? Не фоновая жизнь?
В странном состоянии — на странный
свет... Не отпускай меня, держи.

СИНХРОФАЗОТРОН

Неделимым еси в Демокритовы веки —
и его же устами неделим доказался.
Но недавно решили (это были не греки):
«Развались!» И распался. И снова распался.

И не только, о, атом, что в моей волосинке
миллионы тебя, но и самоё воздух
словотворный разбит на колы и осинки,
и у каждого — свой, и у каждого создан

фазо-трон. Трно... фас! (Трон — от слова «Не троньте!»)
И под каждым припрятаны крупы на зиму.
Блеском квантовой лирики лаковый зонтик
сто вторую по счёту накрыл Хиросиму.

Я пытаюсь бежать... Но из синхроизвилин
не выводят и тысячи смелых попыток.
Я как маленький атом, который разбили,
расстреляв без суда моего Демокрита.

Это было как Божья слеза,
так случайно прожегшая крышу...
У неё говорили глаза,
только мир глухоглазый не слышал.

Это было в эпоху поющих машин,
говорящих собак из цветного металла,
это было в эпоху бесполох мужчин,
перетянутого на себя одеяла.

Это было как страшная месть —
— а душа — что застенки ГУЛАГа —
это было как чертова безд...
на вершину взнесённая флагом,

чей носитель погиб на обратном пути
под тяжелою душно-холодной лавиной,
чей Спаситель, распятый на чьей-то груди,
на Голгофу такую явился с повинной.

У неё было сердце иглы,
что ко смерти приводит, ломаясь,
даже самых бессмертных. Белы
были зубы Вселенной... Не каюсь,

у неё говорили глаза, и о том,
для чего даже Бог не придумал бы кары
в Судный день. Только мир оставлял на потом
все её марианские мыслекошмары,

что умела она прозревать,
но сказать не умела ни строчки,
ибо Небо не смело создать
для того звуковой оболочки,

да и смыслов таких. ...и кричали зрачки,
умирая от голода в пиршестве трёпа...
Это было в эпоху Закрытий, таких,
что Великими станут на карте Европы —

Евротроя, что скоро с ума
и с души соверзится в тартары.
А Кассандра?.. Кассандра — нема.
Да и Гекторы искренне стары

для того, чтоб спасти полувымерший дом,
для того, чтобы крыс выгонять из подвала.
...Это было в эпоху пустых хромосом,
перетянутого на себя одеяла...

ВЕЩЬ В СЕБЕ

Напрасно боролась со мною природа за чувства и тело...
Я стало чудовищем среднего рода, когда поумнело.

Когда мне открылось, что разум и воля — превыше страданья,
Возвышенной самой возвышенной боли — её обузданье.

...И страшно мне вспомнить, что сердце когда-то дышало любовью,
Что с кем-то я узкой делилось кроватью, делилось собою...

Теперь я в себе. Я спокойно и цельно, как мысли течение.
А то, что я вещь... Ну, так этим и ценно мое превращенье!

Да здравствует Вещность, Неодушевленность, Предметность, Свобода!..
...Ещё бы на каждое слово синоним... чтоб среднего рода...

РОСЯНКА

Бессильная встреча. И жарно, и стужно...
И Млечных путей разлетается рой...
Она была хищным цветком Кали-южным,
а он — из Двапары наивный герой.
У «лилии» этой — полсердца на свалке,
другой половине — куски выгрызать
у тех, кто умеет любить из-под палки,
под дулом — и только. ...Какие глаза!..
Увидела в фильме — и сразу за книгу:
а что это было? Ползи, партизан,
по строкам «писаний» к саднящему сдвигу:
плевать на идеи! ... Какие глаза!..
Их боль — как твоя. О тебе и с тобою.
Уйти переносом из слова «шиза»
на новую строчку — да к новому бою
за что-то живое... Какие глаза!..
Не варится кашка («за маму», «за папу»),
борщ переассолен — привет, паруса!
За жизнь поднебесью давая на лапу,
швырни её кошкам.... Какие глаза!..
Из комнаты выйдешь — ипритовый Бродский.
Умеешь на газ — проверь тормоза.
...Свирепое мышкинство по-идиотски
всё тянет и тянет его за глаза,
сминая, ломая, почти удушая,
граня под себя — иступилась фреза...
Вселенная стонет: «Я слишком большая!
Я вся не вмещаюсь в Какие глаза!»
«Да что ты, Голахтего? Аль ушибилась?
Тебе я в натуре имею сказать:
не боги горшки обжигают — на милость
нельзя полагаться, имея глаза!»
Была она вечной, и главной, и нужной,
спасительной — встреча! Живая лоза!..
...Ну вот, дожевала в тоске Кали-южной
ошмётки Двапары — «Какие глаза» —
и что теперь делать? Других-то не будет...
Я из лесу вышел — был сильный вокзал.
Гляжу: поднимаются медленно люди
в небесные дебри, держась за глаза.

ЧАС АМЕБЫ

На меня напали снобы.
Я их не хочу! —
основой
всей кричу.

Рассуждаем о геопэтике,
соционике, пафосных странствиях.
Терминуем. От сих и до этих я
в теме, далее — альдебаранствую.
Не столичная девочка — южная.
Ну, не девочка. Но и не женщина.
Где-то прячется роза-жемчужина
от себя. Холодильнее жести над
филолоном — не для филоложества —
разлетаются травы под облацы.
Будто ноль, окружающий множество,
будто множество волнами — об Отца.

Отведу беду — глазами,
ножку чуть вперёд —
и за ме-
ня весь род!

...Рассужденья затыками сыплются,
вышивают глаза гобеленами...
«Символический... этот...» Не сытится
муравьед-неутоля Вселенная,
хоть термитов рожай — неуёмище.
Только всё — для того же — простейшего.
«Амебейные строфы...». Амёбий час.
И века-диссертации. Тешится
нашей сложью любая хозяйка: хоть
обастралься — а завтракать подано.
Да и спят — и Платон, и козявка. Плоть
терминалы захлопнула, подлая...

Только кто же этим снобам
даст? — лекарство
от озноба.
Говард Фаст.

Фридрих Ратцель,
Хаусхофер,
Жак Лакан,

хорошо ли
на Голгофе
дуракам?

Ω Ариолла Милодан Ω

Белый — это всего лишь сгущенный чёрный.
Знаешь, а я ведь так и живу:
Всеми бы тропами — только не торной!
Всеми бы мифами — да наяву!
Всеми бы песнями — да так, чтоб сердце навывлет!..
Но мелодия — комом в горле, а слова — на губах песок...
А кто увидит, услышит — разве осилит
Этот дикий, въедающийся в висок,
Смысл? Жизни ли? Смысл. Речи ли?
Привкус мяса и крови, звук рвущихся жил,
Терпкий запах земли... Похоже, мною перечили
То ли демоны — Богу, то ли ангелы...
Потому что — свет! Потому что — тепло!
Хоть под ногами пожарища...
И из самого горя, из самой беды — в любовь.
А небо — в сердце, небо — в товарищи...
Так невозможно. Но так уж легло...
Как волны у берегов...
И ни при чём откровения. Впрочем, захочешь — вот оно.
Первой строчкой вроде даже обещано:
Я — всего лишь помесь божества и животного...
И это чаще всего называют — «женщина».

МОЛИТВА О ГОЛОСЕ

О, разомкни уста мои, сними печать!
О, расскажи, зачем всё так? Доколе мне молчать?
Мой мир, пленённый немотой, как снегом долгих зим
Укрытый город, не пустой! Но он — невыразим.
О ты, Умеющий Звучать, немислимо родной,
Всех остальных сокровищ тать, Бесценный Голос Мой!
Ищу слова сказать тебя, но камни стелют путь:
Как червь, набивший глиной рот — ни крикнуть, ни вздохнуть!
Прошу тебя, не обманись молчанием моим.
Гнёт немоты калечит жизнь! — Найди меня под ним.
Не верь стенаниям, что ночь пуста: всё прячет тьма...
И разомкни мои уста!
Спаси!..
Схожу с ума...

ПОСЛЕДИПЛОМНОЕ

Казалось, мне довольно и малости перемен.
Казалось, время вовек не выйдет из этих стен.
Но выцветают чернила в формулах, блекнет их голубой меандр.
Я повторяю: «Ом, во-вре-мя!» — на манер индуистских мантр...
Сама не верю. Но чтобы последнее не потерять,
Мне нужно что-нибудь делать и что-нибудь повторять.
Всё так внезапно случилось, всё завершилось вдруг.
Но «вдруг» — какое-то слово неправильное, как испуг...
А я ж всего ожидаю, значит, мне всё — не вдруг?
Хожу, продумываю, вспоминаю:
«Вот там исправить!» — листок хватаю...
И это — круг.
Пустая, гулкая комната, посередине стул.
Я заворачиваюсь во время, как в саван... Или фату...
Смотрю, как нервно мошь трепещет у потолка,
И вечность в точке «сейчас» разрывает на два куска
Порывом ветра, вносящего дух дождя...
И мошь сквозь этот разрыв существует, не приходя...
А что же я? — Мебель жмётся в углах, и потолки белы.
Мой бег мимо времени застывает каплей смолы,
Я вязну в нём пресловутой мухой в янтаре
И понимаю, что мне себя беспамятством не стереть.
Но истекает время, и мир проваливается в ночь.
Я обращаюсь к памяти. Чтоб хоть чем-то ещё помочь...
Пиши мне, друг мой, пиши, как в прошлом,
Не важно — цифры или слова.
Я не скажу ни о чём хорошем,
Вот, разве что: «Я ещё жива».
Я отвечаю, увы, нечасто, но от души.
А потому сейчас умоляю тебя: пиши!
Мне нужен повод... Ты знаешь, как оно, знаешь ведь,
Как выливается мысль в слова, обретая твердь,
И от стихов становится больно, и жжёт внутри.
(От формул так не бывает, что там не говори...)
И не хватает уже ни голоса, ни чернил,
И надо, чтоб кто-нибудь написал,
В крайнем случае, позвонил.
И эта правда — правда со всех сторон.
И шум в ушах — словно плещет веслом Харон.
Но глохнет плеск, и за мной только двери на этот раз.
Всё завершилось и обнажилось, будто камни в отливный час, —
Ни волн, ни ряби. И время идёт по камням, отбросив
И полутени, и полумеры, и полуправды, и прочую дребедень...
Что хочешь, думай об этом прошлом.
Но, как писал вдохновенный Иосиф, —
«Сохрани мою тень».

МЫСЛИ МАХРОВОГО ГУМАНИТАРИЯ О ПРЕВРАТНОСТЯХ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Для любого Эпсилон больше нуля
Так желанна мантия короля,
Но тревожно всякому королю,
Если Эпсилон стремится, но не к нулю.
Если он не хочет спиться и жить вразнос,
Если он способен прямо задать вопрос.
Он, конечно, очень маленький и дурак,
Незначительный. Но Эпсилон! Вот ведь как...

Для любого Эпсилон больше нуля
Существует Дельта Эпсилон. Это для
Доказательства того, что свобода есть,
И лежит она, наверное, где-то здесь...
Рыщет Эпсилон по местности, не поймёт,
Где же эпсилон-окрестности его свобод?
Как предел непонимания — кутерьма
Вьётся в эпсилон-окрестности его ума.

Единичное ничтожество — ерунда.
Вот когда возникнет множество — это да!
А по множеству, действительно, как пойдёшь,
Там таких непонимающих — не сочтёшь.
Разбредаются, сердитые, взад-вперёд:
«Где свобода? Или, может, король нам врёт?»
Что король? — Молчит и косится на стакан:
«Где советник? Ну, устроили балаган!»

Коль у функции терпения есть предел —
Стало быть, король останется не у дел.
Каждый Эпсилон, хоть маленький, а не ноль!
И советник напрягается, и король.
Как бы их одной идеей объединить,
Просуммировать, направить — и — можно жить!
Но вопрос, тут возникающий, вот каков:
Как прикажете суммировать дураков?

Тут советник обозначился: «Может, мы
Просуммируем по качеству их умы —
И в конце получим гения?» — Только — ах!
Не сопутствует везение им в делах!

Иль теория наивная не верна,
Или ум — не аддитивная величина,
Но толпа ума не требует, не даёт.
Сила есть — толпа упрямо идёт и бьёт...

Как предел найти ей? Справиться с битием?
Чернь как функция расходится с королём...
Тут какая-то политика исподволь:
Вот толпа, советник, критика и король!
Математика в политике не у дел? —
Вот вам Эпсилон и функция, и предел...
...Мне сегодня было весело от души:
Я зачитывалась признаками Коши!

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗДУМЬЯ О МНОЖЕСТВАХ МАНДЕЛЬБРОТА

Ветреной осени рыжей фрактальностью
Выстелен путь от меня и до прошлого.
Веток обугленных строгой детальностью
Вычерчен вечер... Сырой и взъерошенный.
Осень, скажи мне, а правда ли, надо ли
Так бесноваться, единственность празднуя? —
Множества полнились, множества падали,
Множества царствуют... Броские, разные.
Множества луж. Антрацитные, рыжие,
Серые с синью и с проседью, кажется...
Кажется, улицы лужами выжжены —
Осень опять с Мандельбротом куражится.
Множества листьев. Пурпурные, жёлтые,
Яркие с хрустом и блёклые с шорохом...
Капли развеяны, грани расколоты —
По ветру — каплями, по ноги — ворохом.
Множества нас... Захлебнулись подобием! —
И повторяем их пляски! Но подле них
Мы — только копии, копии, копии...
В прошлом, быть может, имевшие подлинник.
Осень безумна, правдива и образна
Листьями, синью, фракталами, временем...
Взглядом из прошлого, осень, ты можешь знать,
Что делать нам, единицам потерянными?
Станут ли лужи и листья ответами?
Будут ли правдою? Примем ли это мы?
Звонко мурчит, не терзаясь вопросами,
Рыжая кошка... Она не из осени.

ОХОТА НА ЛЬВА

Я выследила его. Ну, и что с того?
И мне, и ему охотиться — не ново.
И мне, и ему охоты знаком обычай,
И лёгкая неинтересна добыча.
Какой он кошачий, и как воркующе-груб...
И я опасаясь попасться на острый зуб,
Под быстрый коготь, но больше — под медный взгляд!
Прицеливаюсь, и... боюсь стрелять наугад.
Мне мягкая поступь его будоражит кровь.
Он будто играет и шепчет, смеясь: «Готовь,
Готовь свои стрелы, но бойся моих зубов!»
Он знает пределы моих беспокойных снов.
Он — яркое солнце! Но — счастье или беда —
Никто не сдаётся. Он — хищник, а я — горда.
И каждый из нас добивается своего.
Я выследила его. Теперь — кто кого!

НЕЗНАКОМЦУ НА ФЭЙСБУКЕ

С Ваших глаз писать иконы...
Не иначе, не иначе:
Так лучисто, так бездонно,
То ли благом, то ли плачем
Воплощается Надежда —
Не людская, не мирская —
В Вашем взгляде и улыбке...
В Вашей благодати без края.
Мне немного известно:
Лишь пронзительное фото...
Так — впервые слышишь песню —
И угадываешь ноты,
И угадываешь строки!
А потом, прочтя сначала,
Понимаешь: это было!
И оно всегда звучало!
...Я, наверное, старуха...
И душа моя — седая...
И ни чёрта, и ни Духа —
Всё, отвергнув, изгнала я...
Но настолько безмятежно
В Вашем взоре Вера правит,
Что у мира есть Надежда!
И Надежда не оставит!

БРОШЕННЫЙ ГОРОД

Этот город возвели люди.
Город вырос и обрёл душу.
И вобрал в себя людей судьбы,
Для кого-то даже стал лучшим.
Было радостно. Но вот правда:
Мир не только из любви сложен.
И однажды стало так надо,
Этот город был людьми брошен.
Опустел. Но пережил зимы.
Тихим стал. Но приютил вёсны.
Улыбаясь вечерам длинным,
Он задумчиво глядит в звёзды.
В этом городе поют птицы,
По бульварам солнца свет бродит,
Истрепавшихся афиш лица
Карнавальной мишуры вроде.
Этот город был людьми создан.
Полно! Век их тут уже прожит!
Буйно рвутся тополя к звёздам,
Время плитку мостовых крошит.
Одинок ли он теперь? Вряд ли.
В нём и дышится вольней даже!
Этот город стал вполне счастлив!
...Почему я не могу так же?

Ω ДАНИЭЛЬ БРОНТЕ Ω

Я умру равнодушною тварью,
Я теперь, как и вы, эгоист.
И озлобленно-колкими фразами
Испишу снова чистый свой лист.
Сердце выдрано к чёртовой матери,
Перечёркнуты чувства и боль.
Ядовитой улыбкой встречая вас,
Доиграю гротескную роль.
Больше нет в сердце места прекрасному,
Все истоптано вами, как грязь.
Вот идёт, ухмыляясь озлобленно,
Как и вы, равнодушная мразь.
Лишь свои интересы преследуя,
Иронично бросая слова,
Мне до боли чужой больше дела нет —
Снова жизнь оказалась права.
Раньше звезды казались мне яркими,
Украшал дождь слезами окно...
Мёртвым душам давно уже всё равно,
Наплевать друг на друга давно.
И устало пресытившись выгодой,
Не протянем руки никому.
«Ну, и что? — скажем мы с чистою совестью —
Я служу лишь себе самому».
Боль обид, горький опыт доверия,
Словно сажа, покроеет сердца...
Будто зомби, бессмысленно движемся,
Ожидая нелепо конца.
Вот и я снова вровень с уродами,
Всё прекрасное втоптано в грязь.
И шагает с ухмылкой по городу,
Как и вы, равнодушная мразь.

Я цветок, что растёт в одинокой долине,
Орошённый слезами и силой ветров,
Улыбаясь печально, я здесь и поныне
Нахожу для себя и проклятье и кров.

Может, вытопчет скот стебелёк мой зелёный,
Я поникну, но снова весной расцвету.
Может, высохну, зноем дневным опалённый,
Но разрушить не сможет никто красоту.

Может снова сорвут меня ради забавы,
Может выбросят позже, от дома вдали.
Снова вырасту я, где колышутся травы,
Ибо силой питаюсь из лона земли.

Месяц лунный споёт мне ночную сонату,
Когда сплю я, сомкнувши свои лепестки,
Где остался лишь след чьей-то красной помады,
Когда губы прильнули ко мне от тоски.

Я отрада для глаз, в грусти я утешенье,
Я цветок, что растёт в одинокой тиши,
Я предмет обожания и вдохновенья
Для такой же печально-прекрасной души.

Осень печально в вальсе кружится,
Люди прошли, не заметив друг друга.
Слог мой минором на песню ложится,
И Меланхолия стала подругой...

Люди, как листья, живут, увядая...
Серое небо запутало краски.
В пустой суете люди век доживают,
Их лица скрывают банальные маски.

Лужи все в золоте, осени драма
Душу печалью наполнит глубокой.
С красным зонтом одинокая дама
Спешит, позабыв, как она одинока.

Жизнь, подожди, за тобой не угнаться!
Сменится осень зимою-подругой,
Рифмы минором на песню ложатся
Люди спешат, не заметив друг друга...

Она жила на чьём-то медальоне
И молча улыбалась между строк.
Простилась на заснеженном перроне,
И упорхнула вдаль, как мотылёк.

Но здесь, на этом маленьком овале,
Она всегда была при ком-то, как тогда...
Слова и обещанья запоздали
И не вернутся больше поезда.

Зато сейчас, на этом сувенире,
Она улыбкой скрасит вечера.
В час одиночества, в тюрьме своей
квартиры
Любовался ею кто-то до утра.

Она согреет нежным томным взглядом,
Пластинку старую поставит в патефон.
А ничего другого и не надо,
Лишь сжать в руке покрепче медальон.

На этой пьесе все друг другу безразличны,
Здесь чувства проданы, они давно — игра.
Сорвите маски с душ — вы, кажется, двуличны!
Окончен бал, в нём безразличие задремлет до утра.
Печальный маскарад, где фальшью и обманом
Нас потчуют, как опостылевшим вином.
Душа, как птица, встрепелулась — пелена тумана
Спала, как занавес в театре —
Мне не забыться сном.
Дурацкий балаган, где каждый лицемерит,
Он не желает выглядеть в глазах других шутком.
Мы все умрём, но каждому достанется по вере.
Спектакль окончен, все свободны, выпит ром...

Жжёт холод одиноких улиц,
Пустых и тёмных, как в ноябрьскую
слякоть.
Жизнь прекрасна... Книги обманули.
Падать, оступаться, снова падать.
Не зажжёт никто тебе огня лучину,
Ты один в пустом холодном мире.
И фонарь погаснет без причины,
Растворяясь в радужном эфире.
Ты пройдёшь, укутываясь зябко
Тяжким грузом разочарований
Годов прожитых и в шахматном
порядке
Выстроится крест воспоминаний.
Дует ветер, может быть с востока,
Руки стынют ото льда неласки,
И блуждает путник одиноко,
Сравнивая жизнь с нелепой сказкой.
Он бредёт по улице пустынной
В темноте холодной и недоброй.
Одиночество под маскою невинной
Проберётся в душу дикой коброй.
Год за годом, и старик, согнувшись,
Будет в темноте блуждать однажды.
И от ветра, пледом обернувшись,
Задрожит, как парусник бумажный.

Наш мир — миллиарды шрамов,
Наш мир — миллионы слез,
В липкие сети обмана
Попались, поверив всерьез.
Ведь жизнь — отраженье кривое.
Желанья, надежды, мечты...
Все сбудется, Бог с тобою!
Но не так, как того хочешь ты.
Все будет по правилам сказки —
Получишь, но наоборот.
Картины сгущаются краски,
И соль вместо сахара в торт.
Хочешь? Включи силу мысли.
Задумай. Получишь, не жаль.
Только вот сливки прокисли,
Да отчасти горький миндаль.
Пирог с начинкою кислой,
Хотел откусить? Получи!
Каждый откусит кусок свой,
Жуй, ничего, что горчит!
Жизнь нам плетет паутину,
И за подвохом подвох.
Смеется в лицо, как противный
Дурачится скоморох.
Счастлив лишь ставший мразью,
Наивны лишь дурачки.
Давно заляпаны грязью
Розовые очки.